

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-1-81-96
УДК 812

ОБРАЗ МЕДВЕДЯ В СТРУКТУРЕ ЗООМОРФНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ ЭВЕНОВ

Р.П. Кузьмина

Целью исследования является характеристика мотивирующих, понятийных, образных и символических признаков концепта МЕДВЕДЬ в зооморфном коде культуры эвенов.

Методы, используемые в работе: в статье использованы метод сплошной выборки, метод полевой этнографии, интервьюирование, лингвистический и культурологический методы.

Результаты исследования: репрезентантами концепта МЕДВЕДЬ в языковом сознании эвенов выступают иносказательные номинации, образованные от терминов родства, адъективных, субстантивных и глагольных лексем. В результате исследования внутренней формы слов-репрезентантов концепта МЕДВЕДЬ выявлен 31 мотивирующий признак. Когнитивные признаки выражены в виде устойчивых сравнений, оформленных формантами подобия и сравнения –гчин/-гичин, -кчин, -мдас/-мдэс. В эвенской картине мира МЕДВЕДЬ символизирует тотемного предка, хозяина земли, также определяющим символическим признаком концепта является сила, выносливость, крепость духа.

Область применения результатов: содержащиеся в работе языковые материалы и выводы могут быть использованы в спецкурсах по этнолингвистике, по эвенской лингвокультурологии, а также применены в лексикографических исследованиях эвенского языка и других тунгусо-маньчжурских языков.

Ключевые слова: медведь; концептуализация; обряд; мотивирующие признаки; языковое сознание; картина мира; миф; традиционное мировоззрение

IMAGE OF THE BEAR IN THE STRUCTURE OF THE ZOOMORPHIC CODE OF THE EVEN CULTURE

R.P. Kuzmina

The aim of the study is to characterize the motivating, conceptual, figurative and symbolic features of the concept BEAR in the zoomorphic code of the Even culture.

Methods used in the work: the article uses the method of continuous sampling, the method of field ethnography, interviewing, as well as linguistic and cultural methods.

Research results: representatives of the concept BEAR in the linguistic consciousness of the Evens are allegorical nominations formed from kinship terms, adjective, substantive and verbal lexemes. As a result of the study of the internal form of the words-representatives of the concept BEAR, 31 motivating signs were revealed. Cognitive features are expressed in the form of stable comparisons, formalized by the formants of similarity and comparison - gchin / -gichin, -kchin, -mdas / -mdes. In the Even picture of the world, the BEAR symbolizes the totemic ancestor, the owner of the earth, and the defining symbolic sign of the concept is strength, endurance, fortitude of spirit.

Scope of the results: the linguistic materials and conclusions contained in the work can be used in special courses on ethnolinguistics, on Even linguocultural studies and also applied in lexicographic studies of the Even language and other Tungus-Manchu languages.

Keywords: bear; conceptualization; rite; motivating signs; linguistic consciousness; picture of the world; myth; traditional worldview

Введение

В зооморфном коде культуры эвенков концепт МЕДВЕДЬ занимает центральное место. Г.М. Василевич начало медвежьего культа у тунгусов относит к периоду расселения пратунгусов по тайге задолго до начала оленеводства [2, с. 165]. З.П. Соколова дает следующее определение культа, «Культ медведя – широкое понятие,

включающее в себя представления о медведе, обряды, связанные и с охотой на него, и с поеданием его мяса, и с хранением его костей; тогда как медвежий праздник – более узкое понятие и охватывает лишь те обряды, которые относятся к поеданию медвежьего мяса, а именно извинительные и умилоостивительные» [13, с. 41].

Культ медведя у эвенков был частично рассмотрен в работах У.Г. Поповой и др. [3; 11]. Детальное исследование культа медведя в культуре эвенков нашло отражение в этнографических трудах Г.М. Василевич, А.И. Мазина, А.Ф. Анисимова [1; 2; 7]. Медвежий культ в культуре и фольклоре других сибирских народов был предметом исследования многих специалистов [16; 17; 18; 19; 20]. Этимология и семантика некоторых иносказательных номинаций медведя были предметом исследования А.А. Петрова, Р.П. Кузьминой [10; 5].

Материалы и методы исследования

Материалом исследования структурно-семантических признаков концепта МЕДВЕДЬ послужили лексикографические источники по эвенковскому языку и другим тунгусо-маньчжурским языкам, также фольклорные и этнографические работы, изданные в разные годы.

В статье использованы метод сплошной выборки, метод полевой этнографии, интервьюирование, лингвистический и культурологический методы, принятые в научной школе концептуальных исследований под руководством М.В. Пименовой.

Результаты исследования и их обсуждение

В фольклоре эвенков Г.М. Василевич выделяет три мифа о медведе. Западный миф характерный для ангарско-енисейских эвенков, второй – кругобайкальский, третий – восточный, отмеченный у охотских эвенков и эвенков и оттуда, распространившийся у ороков Сахалина [2, с. 151].

У большинства эвенковских групп распространен один миф о медведе, в котором девушка, попав в берлогу медведя, провела там зиму и забеременела от медведя. Спрятавшись от людей в пещере, родила двух детей, медвежонка и человеческого ребенка. Медвежонка,

которого назвали Накат, воспитала бабушка. Повзрослев, он ушел в лес. Мальчику дали имя Торгани. Однажды человек и зверь встретились и стали драться. Торгани убил Наката. Перед смертью Накат научил людей проводить Уркачак – медвежий праздник [3, с. 120]. Данный сюжет считается общесибирским и зафиксирован в фольклоре других народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [17].

Мотивирующие признаки концепта МЕДВЕДЬ в эвенской языковой картине мира

С дефиницией `медведь` в эвенском языке функционирует лексическая единица *накат*. Данная лексема является производной от корня *накита* с дефиницией `шкура медведя`. Аналогичные лексические единицы со схожей дефиницией зафиксированы во многих языках тунгусо-маньчжурской группы: эвен. *накат* `медведь; шкура медведя; медвежий`; эвенк. *накита, наката, накашиа* `шкура медведя; медведь; название притока Подкаменной Тунгуски`; нег. *нахата* `шкура медведя`; уд. *на́та, ната* `шкура медведя`; орок. *натта* `шкура медведя` [14].

В эвенском языке от корня *накита* образовались следующие дериваты: *накатамдай* `пахнуть медведем`, *накатас, накат нандан* `шкура медведя`, *накаткан* `игрушечный медведь, медвежонок`, *накат асиуан, накат асин, накат нямичанни* `медведица`, *накат дюн* `берлога`, *накат уалан* `лапа медведя`, *накат хутэн, накат качиканни* `медвежонок`, *накиман* `человек, хорошо охотящийся на медведя`, *небаты накат* `белый медведь`, *нам накатан* `морской медведь`, *накиман* Ох `человек, хорошо охотящийся на медведя` [6; 12; 14; 15; 5].

В языковой картине мира эвенов зафиксировано значительное количество тотемических номинаций-репрезентантов концепта МЕДВЕДЬ, являющихся наиболее употребляемыми в силу запретности называния медведя прямым именем *накат*. Е.М. Мелетинский утверждает, «Но даже там, где тотемизм в качестве социального или религиозного института имеется лишь в виде пережитков, часто сохраняются тотемические классификации и звериные имена мифологических героев» [9, с. 160].

Анализ внутренней формы слов-репрезентантов даст возможность понять первосмысл концепта. М.В. Пименова считает, что «чем древнее слово, тем больше мотивирующих признаков у концепта, скрывающегося за этим словом...» [4, с. 155].

Итак, наряду с общим наименованием *накат* в говорах западного наречия эвенского языка используется номинация медведя *мэмэкэ*, *мэмэчэ* Ол, П, *мэмэчэн*, *мэмэкэ* С-Эв, Алл, *момө* Тюг `медведь` [14], имеющая аналогии в юкагирском языке – *мэмэ* `медведь`. В ламунхинском говоре лексема *момө* употребляется с дефиницией `страшилище`.

Также следует отметить, что у эвенов наименование *мэмэ* является этнонимом группы эвенов, проживающих в Момском улусе Якутии. Слово *мэмэ* можно соотнести с наименованием группы аборигенов *уамондри* (~*момондой*), отмеченных в мифах эвенков, вошедших в состав тунгусов Приангарья в древности и давших некоторым эвенкийским семьям оленей [2, с. 152].

В эвенских говорах выявлено имя медвежьего предка тунгусов – *Торгандра*, которое является фонетическим вариантом имени *Торгани* – сына девушки и медведя из эвенского мифа. Наименование медведя *торгандри* также было зафиксировано в негидальском языке и у эвенкийских групп, населяющих побережья Охотского моря и Омолона, и в негидальском языке. Данная номинация является древним родоплеменным названием тунгусов Среднего Приамурья [2, с. 154]. Г.М. Василевич пишет: «Фонетические варианты *Торганэй* ~*Торгандри* ~*Торгани* (в эвенских сказках) образованы древним тунгусским суффиксом, впервые записанным, как уже упоминалось, в XI в. в именах чжурчженей, что позволяет относить начало образования подобного рода собственных мужских имен к Приамурью. Сама основа имени –торган – была названием племени или группы населения в Верхнем Приамурье. В XVII в. этим именем называли группу дауров, по языку близкую конным тунгусам и связанную с ними узами свойства» [Там же, с. 156].

В эвенском языке большое количество иносказательных номинаций-репрезентантов концепта МЕДВЕДЬ являются производными от терминов родства старших родственников: *абйга*, *абыга*, *абауа*

‘дедушка (одно из названий медведя)’ от абага ‘дед (отец отца, матери) < як. *абаґа* ‘дядя (старший брат отца)’; *амикан*, *амаґа*, *амака*, *амика* ‘дедушка, батюшка (медведь)’ от *ама* ‘отец’; *упэ* ‘медведь (букв. бабушка)’ от *упэ* ‘бабушка’, *Ох* ‘тетка’; *этикэн* ‘медведь’ от *этикэн* ‘старик’; *этки*, *атка* ‘медведь’ от *этки* ‘тесть; свекор; старший брат жены; шурин (старший брат жены)’; *кэки* ‘старшенький, крестный (о медведе)’; *кэдук* ‘медведь’ от *кэли* ‘свояк, свояки (мужчины, женатые на сестрах, по отношению друг к другу)’; *кяга*, *киаґална* ‘медведь’ < юк. устар. *кагийа* ‘термин родства’; *каги*, *кагил* ‘а букв. ‘хитрый’ (о медведе) [5; 10].

Зафиксированные иносказательные номинации медведя, образованные от адъективных лексем и оформленные аугментативными аффиксами, характеризуют не только внешние признаки медведя, но также обладают дополнительной коннотацией, выражающей чаще всего страх и уважение человека к этому зверю: *ялдана-ндя* букв. ‘чернеющий, как уголь’ от *ялданя* ‘черный; темный’; *дэбэ-рэ* ‘шерстистый’ от *дэбули*, *дэбуку* ‘лохматый, мохнатый, шерстистый’; *нугдэ*, *нугдэ-кэ*, *нугдэ-не*, *нугды*, *нугдэ-кэ*, *нугдэ-не* букв. ‘темный; темнеющий’ от *нугдэ* ‘темный силуэт, предмет’; *эгде-кэе* букв. ‘большущий’ от *эгден* ‘большой (по размеру, величине)’; *чима* ‘масляный (о медведе)’ от *чима-ня* ‘блестяще-масляный’ [5].

Производные от субстантивных лексем иносказательные наименования медведя представляют ассоциации носителей языка, в которых зверь может сравниваться по внешнему сходству и тем или иным действиям с явлениями природы и предметами: *агды* букв. ‘громоподобный’ от *агды* ‘гром’; *ачуркан*, *очуркан* ‘медведь’ от *ачуркан* ‘покрывало яранги’; *кобалан* букв. ‘трескучий’ от *кабала* ‘грохот, гром, гул, рокот, треск, трескотня, хруст’ [5; 10].

Одним из тотемических именовании медведя в ряде говоров является *хэвья* О, Д-Ч, *хэвче* Бер, *хэвэйэ* Ох, вероятно, произошедшим от слова *хэвки* ‘бог; божественный’. По представлениям эвенков, медведь, считавшийся первопредком человека, наделялся иногда чертами доброго, всемогущего духа, хозяина окружающей природы, выступающего в различных ипостасях [5].

В эвенских говорах большую группу составляют иносказательные номинации медведя, производные от глагольных лексем с помощью различных субстантивных формантов: *дэрикэн* букв. `беглец` от глагола *дэримэттэй* `убегать от кого-л.`; *көлэуэ* букв. `ушедший` от тотемного слова *көлнэдэй* `уйти, удалиться; исчезнуть; отлучиться`; *уэлэуэ, уэлукэ* букв. `страшилище` от *уэлдэй* `испытывать страх, бояться, трусить, страшиться, дрожать от страха`; *хигимүэ, игэмүэ* букв. `свежевальщик` от *хигдэй* `свежевать зверя, снимать шкуру с убитого зверя, оленя`; *хучана, хучуна* букв. `беглец` и `черт` *хучудай* `упустить, дать уйти, убежать, скрыться; освободить от привязи; дать выскользнуть, вырваться`; *умалаңа* `медведь` [5; 6; 10; 15].

В результате анализа внутренней формы слов-репрезентантов концепта МЕДВЕДЬ определено, что семантическое содержание данных иносказательных номинаций обладают дополнительной коннотацией, характеризующих опасение человека перед этим животным, преклонение перед его силой, внешние характеристики и сакральность медведя в эвенском мировосприятии.

В результате этимологического анализа репрезентантов концепта МЕДВЕДЬ определены следующие мотивирующие признаки: медведь; шкура медведя; дедушка; бабушка; старик; муж; хозяин; тесть; свекор; старший брат жены; шурин (старший брат жены); старшенький; крестный (о медведе); свояк, свояки (мужчины, женатые на сестрах, по отношению друг к другу); чернеющий, как уголь; шерстистый; темный; темнеющий; большущий; блестяще-масляный; хитрый; громоподобный; трескучий; божественный; беглец; страшилище; свежевальщик; черт; медвежий предок тунгусов.

В понятийное поле концепта МЕДВЕДЬ включены следующие признаки: половозрастные признаки, подставные наименования медведя, ритуальная охота на медведя, медвежий праздник Уркачак, сооружение для обрядового захоронения сакральных или жертвенных животных.

Половозрастные признаки медведя в эвенских говорах представлены следующим образом:

С дефиницией `медвежья семья` в ольском говоре используется лексема *төри*.

Номинация самцов медведя: hatмар ~ hadмар ~ атмар (эвенк. сатъмар), *эткэ* Бер `самец медведя` от *этки* `тесть; свекор; старший брат жены; шурин (старший брат жены)`.

Наименование самок медведя: упэ Ох, *атка* Бер, *накат асин, накат асиуан* Ол, *кяга н`амичанни накат н`амичанни* Ох, Лам; *кяга аһин* Лам, Тюг; *биран* Ох `медведица`; *хуркэч* Ол, М, Ох, П, Т, *уркэс* Арм, *уркэч* Б `медведица с медвежатами`; *хуркэ* Ол, П, *хуркө, хуркэ* Ох `беременная, зачавшая, стельная самка медведя`, также слово означает `стельная самка оленя, волка`; *ата* Ох иноск. `медведица` от *ата* `бабушка` (эвенк. *атыркаһа* от *атыркан* `старуха`, эвенк. *атыркана* букв. `большая старуха`) [6; 14; 15].

Наименования детенышей медведя: ган`ипчан Ол, *ган`апчан* Ох, Т, *ган`ипа* Ол, *ган`апа* П `годовалый медведь`; *накат качиканни* Ол, П `медвежонок`; *кэки утэннэ ~ кэки уччэнни* Арм `медвежонок (досл. детеныш медведя)`; *накат һутэн, кяга һутэн* – Лам, *накат качиканни* Ол, П, Ох (букв. щенок медведя) `медвежонок`; *оис~ойис* Ох `медвежонок (до одного года)`, *абауанилчакар* Бер `медвежата` [6; 14; 15].

В признак «подставные наименования медведя» включены табуированные лексемы, относящиеся к частям его тела, к пищевым запретам. В эвенской лингвокультуре подставные наименования применяются во время поедания мяса медведя, во время охоты на него, также табуированность сохранялась по отношению к частям тела медведя: *кунакатлилдай* `есть мясо медведя`; *кунамдудудай* Лам `убить медведя`; *уд`адай* Ол `потрошить медведя`; *абагамидай* `охотиться на медведя`; *чимадай* `есть жир (медведя)`; *уд`имчин* Ол, *уд`амчин* Ох `потроха медвежьё`; *мәна* `лапа медведя`; *н`бс* Ох `жир медведя`, *һэтэ* Ол, П, Ох, *этэ* Арм `сало медведя`; *кунакач* `мясо, жир медведя`; *кэкинчи* Арм, *накат ~накита* Ох `медвежья шкура`; *уркаттай* Ох `угощать мясом медведя` [5; 6; 14].

Признак «ритуальная охота и медвежий праздник Уркачак». В эвенской этнографической литературе не зафиксировано подробного описания обрядовой охоты на медведя и проведение медвежьего праздника. Этому способствовал запрет, восходящий к культуре медведя, согласно которому медведь был тотемным предком чело-

века, поэтому у большинства эвенских групп Якутии специальной охоты на медведя не отмечено. В основном эвены охотились на не залегшего в берлогу осенью медведя-шатуна, являвшегося угрозой для людей и оленей. У.Г. Попова полагает, «...в частности, в той же рассохинской группе «медвежьи праздники» ввиду шаманских запретов специально не устраивались» [11, с. 189]. В лингвокультуре эвенов зафиксированы следующие зоолексемы, характеризующие признаки медведя-шатуна: *хөкэчэн* Ол, П, *хукэчэн*, *өкисэн* Арм, *өкэчэн* Б, *хукэчэн* Анад, Ох `медведь-шатун` от *хуг* `голодный` (нег. *хууэчэн* ~ *хухэчэн* `голодный; озверелый (о медведе-шатуне –зимой)`); *медведь-шатун* (медведь, не залегший на зимнюю спячку)` (эвенк. *хуг*, *хуе*, *хуи*, *хуун*, *хух* `голодный (о звере); озверелый; медведь-шатун`); *һөкэчэн* Ол, П, *өкисэн* Арм, *өкэчэн* Б, *һукэчэн* `шатун или тарбаган, не залегший в берлогу` [5; 6; 14].

У некоторых восточных групп эвенов был зафиксирован медвежий праздник Уркачак, являвшийся сугубо мужским праздником, который они устраивали после добычи первого медведя. При разделке и поедании туши медведя соблюдался строгий ритуал, по которому люди произносили умиловительные слова, чтобы убедить медведя, что это не они его убили: «*Чамакчана киргаддын, дилики киргаддын...*» `Мыши тебя грызут, горностаи грызут`; вырезая шкуру около глаз, распорядитель каркал как ворон [3, с. 121].

При поедании мяса медведя соблюдались строгие правила, выполнявшиеся неукоснительно всеми членами рода. Женщинам разрешалось есть только заднюю часть туловища. Некоторые запреты, распространившиеся при проведении медвежьего праздника на женщин, были, очевидно, связаны с тем, что женщина считалась медведю более близкой родственницей чем мужчина [11, с. 121]. Старшая из женщин кормила огонь очага, воздавая тем самым благодарственную и искупительную жертву священному животному [3, с. 121].

В отличие от эвенов у эвенков особой запретности на проведение медвежьего праздника не зафиксировано. Ритуальное убиение медведя, проведение медвежьего праздника и его «похороны» были строго структурированы. Охота на медведя у эвенков проходила в

основном осенью. В ритуальной охоте существовали свои правила. Охотник, найдя нору, должен сообщить об этом своему собственнику, чаще брату жены, и предложить ему убить и освежевать медведя. Передача этого «убийства» называлась *ниматкин*, а собственник в таких случаях назывался *нимак* ~ *нимэк*» [2, с. 160]. Г.М. Василевич приводит записанную по этому поводу К.М. Рычковым поговорку «Для медведя восемь чужеродцев легче, чем два брата», в которой отразилось представление о медведе – брате человека, поэтому убивать его должен был член другого рода [Там же, с. 160].

С дефиницией `царапина (сделанная медведем на дереве)` применяется в охотском диалекте лексическая единица *галак*. В мировосприятии эвенов считается запретным прикасаться к тому предмету, на чем оставил свои метки медведь, и такую вещь чаще всего выбрасывали. От человека, на которого напал медведь, после выздоровления от полученных ран ничего брать не разрешалось даже во временное пользование [11, с. 189].

Признак «*сооружение для обрядового захоронения сакральных или жертвенных животных*» вербализуется лексическими единицами *гэлин*, *гэлик* `лабаз из жердей и тальников, куда кладут кости священных зверей и оленя`; *гэливеттэй* `делать сооружение для останков медведя`. Эвены после убийства и поедания мяса медведя череп и кости медведя хоронили на специальном помосте *гэлик*, так как считалось, что в черепе и костях медведя находится его душа. Кости скелета связывались вместе в анатомическом порядке, чтобы медведь как можно быстрее возродился. Перед захоронением кости наряжали: надевали корьевые очки на глазницы, серьги, браслеты и т.п. По мнению эвенов, все это было необходимо медведю для далекого пути. На лиственницу, недалеко от помоста, вешали кусок материи – *хунматин*, который должен был защищать людей и оленей от этого медведя в будущем [3, с. 121].

Образные признаки концепта МЕДВЕДЬ выражены в виде устойчивых сравнений, использующихся в эвенском языке с формантами сравнения и подобия *-мдас/-мдэс* и *-гичин*, *-кичин*. По мнению В.А. Масловой: «Одним из ярких образных средств, спо-

собных дать ключ к разгадке национального сознания, является устойчивое сравнение» [8, с. 145].

М.В. Пименова отмечает: «Когда Собакевича называют медведем, то одновременно имя медведь относят к классу животных и к конкретному человеку, а из числа ассоциируемых с медведем признаков отбирают те, которые подходят к индивиду (крепость, грубая сила, косолапая походка, окраска и т.д.)» [4, с. 117].

В эвенском языке установлены следующие зоометафоры с компонентом *медведь*, характеризующие внешний облик человека, его характер, физическую силу:

внешний облик человека: о человеке большого роста используется выражение, *накатамдас* `подобный медведю`;

характер человека: о вспыльчивом человеке – *накатамдас хируку* `вспыльчивый, как медведь`, *накаткичин куиуңчин* `смотрит, как медведь` (о злом человеке), *накаткичин көргөдни* `зарычал, как медведь` (об обидчивом человеке) [5];

физические характеристики человека: *накатамдас эхуи* – о сильном человеке, *накатамдас эгден* `огромный, как медведь`;

действия человека, сравниваемые с действиями медведя: *накаткичин околаддиван* `как медведь поедает ягоды`.

В эвенской лингвокультуре зоометафора «*Як хучуна одай дэ-римэттэн*. `Убегает, словно медведь`» является характеристикой человека нелюдимого, сторонящегося людей.

Устойчивое сравнение «*Кягавчин хуклэли-дэ хуклэли*. `Как медведь все время сплю`» характеризует человека сонливого и ленивого.

В эвенской картине мира МЕДВЕДЬ **символизирует** тотемного предка, силу, выносливость, крепость духа. Согласно исследованиям, по представлениям тахтоямских эвенов медведь является хозяином земли и леса [3, с. 118]. **Символические признаки** концепта МЕДВЕДЬ в лингвокультуре эвенов отражены в шаманских обрядовых действиях, совершаемых во время ритуальной охоты на медведя и медвежьего праздника.

У тауйских эвенов женщины-шаманки при камланиях пользовались рукавицами, сшитыми из передних лап медведя, на которых

сохранились когти. [11, с. 181]. Вполне возможно, что, совершая камлание в таких рукавицах, обладатель рукавиц наделялся могущественной магической силой.

До настоящего времени эвенские знахари и шаманы для лечения человека используют лапы медведя с когтями. Во время процедуры лечения шаман расчесывает волосы больного при этом приговаривая: «Кягамдас эхүи оли, кяңамдас махүи оли!» `Стань таким же сильным как медведь, стань таким же твердым (духом) как медведь!`. Сало и желчный пузырь медведя у эвенов употреблялись в лечебных целях. Медвежьи лапы обладают охранительной функцией, и эвены подвешивают ее над дверью.

Лапы медведя эвенки подвешивали на шею оленям, чтобы сохранить их от волков, клали на лабаз, чтобы хищники не разоряли, призывали к колыбели, чтобы ребенок не плакал. На медвежьей лапе присягали, слегка подпаливая ее во время присяги. Грудную кость медведя вешали на центральную жердь (чимка) остова чума [2, с. 163].

У эвенков во время свежевания мяса медведя «охотник (нимак) тут же съедал сердце медведя в сыром виде, чтобы приобрести свойства медведя» [Там же, с. 161].

Заключение

Таким образом, концепт МЕДВЕДЬ является одним из ключевых в эвенской языковой картине мира. Тотемические номинации МЕДВЕДЯ, зафиксированные в лингвокультуре эвенов, отражают персонификацию и сакрализацию данного животного в мировосприятии народа. В языковом сознании носителей языка преобладающими образными признаками являются антропоморфные признаки. Символические признаки отражены в шаманских ритуальных действиях, в обычаях и в обрядах эвенов.

Список литературы

1. Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 238 с.

2. Василевич Г.М. О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века (Сборник Музея антропологии и этнографии, Т. XXVII). 1971. С. 150-169.
3. История и культура эвенков: Историко-этнографические очерки / Колл. авторов: В.А. Туголуков, В.А. Тураев, Б.А. Спеваковский, Н.В. Кочешков и др. СПб: Наука, 1997. 180 с.
4. Колесов В.В., Пименова М.В. Введение в концептологию. М.: Флинта, 2016. 248 с.
5. Кузьмина Р.П. Концепт «медведь» в языковой картине мира эвенков // Филология: научные исследования, 2019. № 2. С.223-231
6. Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982. 241 с.
7. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX –XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. 4-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 208 с.
9. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Академический Проект; Мир. 2012. 331 с.
10. Петров А.А. Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов (эвенки, эвены, негидальцы, солоны). Новосибирск: Наука, 2013. 216 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).
11. Попова У.Г. Эвены Магаданской области: очерки истории, хозяйства и культура эвенков Охотского побережья. 1917-1977. М.: Наука, 1981. 303 с.
12. Русско-эвенский словарь /В.И. Цинциус, Л.Д. Ришес. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. 777 с.
13. Соколова З.П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнос и культура, 2002. № 1. С. 41-62
14. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1975. Т.1. А-Н; 1977. Т.2. О-Э.
15. Эвенко-русский словарь / В.А. Роббек, М.Е. Роббек. Новосибирск: Наука, 2004. 356 с.
16. Janhunen J. Material on Manchurian Khamnigan Evenki. Helsinki: Finn-Ugrian Society, 1991, 120 p.

17. Khasanova M., Pevnov A. Myths and tales of the Negidals. Osaka: Osaka Gakuin university, Faculty of informatics, 2003, 297 p.
18. Pulsidski B. Materials for the Study of the Orok (Uilta) Language and Folklore. Working papers. Poznan: Adam Mickewicz university institute of linguistics, 1985, 56 p.
19. Pushkarëva E. The experience of ethnological reconstruction of Nenets shamanistic ritual on the topic «prediction of the future» // *Etnomuskologian Vuosikirija*. Helsinki, 1999, pp. 55-61.
20. Sotavalta A. Westlamutische materialen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1978, 212 p.

References

1. Anisimov A.F. *Religiya e`venkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy` proisxozhdeniya pervoby`tny`x verovanij* [Evenki religion in historical and genetic study and problems of the origin of primitive beliefs]. Moscow-Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1958, 238 p.
2. Vasilevich G.M. O kul`te medvedya u e`venkov [On the Evenks` cult of the bear]. *Religiozny`e predstavleniya i obryady` narodov Sibiri v XIX – nachale XX veka (Sbornik Muzeya antropologii i e`tnografii, T. XXVII)* [Religious ideas and rituals of the peoples of Siberia in the XIX – early XX centuries (Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography, vol. XXVII)], 1971, pp. 150-169.
3. *Istoriya i kul`tura e`venov: Istoriko-e`tnograficheskie ocherki* [History and culture of the Evens: historical and ethnographic essays]. St. Petersburg: Nauka, 1997, 180 p.
4. Kolesov V.V., Pimenova M.V. *Vvedenie v konceptologiyu* [Introduction to conceptology]. Moscow: Flinta, 2016, 248 p.
5. Kuz`mina R.P. Koncept «medved`» v yazy`kovoju kartine mira e`venov [Concept of the bear in the linguistic picture of the Even world]. *Filologiya: nauchny`e issledovaniya* [Philology: scientific studies], 2019, no. 2, pp. 223-231.
6. Lebedev V.D. *Oxotskij dialekt e`venskogo yazy`ka* [Okhotsk dialect of the Even language]. Leningrad: Nauka, 1982, 241 p.
7. Mazin A.I. *Tradicionny`e verovaniya i obryady` e`venkov-orochonov (konecz XIX – XX v.)* [Traditional beliefs and rituals of the Orochon

- Evenks (late XIX – early XX centuries)]. Novosibirsk: Nauka, 1984, 201 p.
8. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: «Akademiya» Publ., 2010, 208 p.
 9. Meletinskij E.M. *Poe'tika mifa* [Poetics of the myth]. Moscow: Akademicheskij Proekt; Mir, 2012, 331 p.
 10. Petrov A.A. *Leksika duxovnoj kul'tury` tungusoyazy`chny`x narodov (e`venki, e`veny`, negidal`cy, solony`)* [Vocabulary of the spiritual culture of the Tungus-speaking peoples (Evenks, Evens, Negidals, Solons)]. Novosibirsk: Nauka, 2013, 216 p.
 11. Popova U.G. *E`veny` Magadanskoj oblasti: ocherki istorii, xozyajstva i kul'tura e`venov Oxotskogo poberezh`ya. 1917-1977* [Evens of the Magadan region: essays on the history, economy and culture of the Evens of the Okhotsk coast. 1917-1977]. Moscow: Nauka, 1981, 303 p.
 12. *Russko-e`venskij slovar`* [Russian-Even Dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1952, 777 p.
 13. Sokolova Z.P. Kul't medvedya i medvezhij prazdnik v mirovozzrenii i kul'ture narodov Sibiri [Bear cult and bear holiday in the worldview and culture of the peoples of Siberia]. *E`tnos i kul'tura* [Ethnos and culture], 2002, no. 1, pp. 41-62.
 14. *Sravnitel'ny`j slovar` tunguso-man`chzhurskix yazy`kov* [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages]. Leningrad: Nauka, 1975. vol. 1-2, 1977.
 15. *E`vensko-russkij slovar`* [Even-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2004, 356 p.
 16. Janhunen J. Material on Manchurian Khamnigan Evenki. Helsinki: Finn-Ugrian Society, 1991, 120 p.
 17. Khasanova M., Pevnov A. Myths and tales of the Negidals. Osaka: Osaka Gakuin university, Faculty of informatics, 2003, 297 p.
 18. Pulsidski B. Materials for the Study of the Orok (Uilta) Language and Folklore. Working papers. Poznan: Adam Mickewicz university institute of linguistics, 1985, 56 p.
 19. Pushkareva E. The experience of ethnological reconstruction of Nenets shamanistic ritual on the topic «prediction of the future». *Etnomusikologian Vuosikirija*. Helsinki, 1999, pp. 55-61.

20. Sotavalta A. Westlamutische materialen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1978, 212 p.

Используемые сокращения в названиях говоров:

Алл – аллаиховский	Ойм – оймаконский
Анад – анадырский	Ох – охотский
Арм – арманский	Ол – ольский
Бер – березовский	П – пенжинский
Б – быстринский	С-Эв – северо-эвенский
Д-ч – догдо-чебогалахский	Т – томпонский
К-О – колымо-омолонский	Тюг – тюгяирский
Лам – ламунхинский	як. – якутский
М – момский	юк. – юкагирский
Н-К – нижнеколымский	

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Кузьмина Раиса Петровна, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027, Российская Федерация
raisakuzmina2013@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Raisa P. Kuzmina, Senior Researcher, Ph. D. in of Philology
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the Problems of the North Russian Academy of Sciences Siberian Branch
1, Petrovsky, Str., Yakutsk, 677027, Russian Federation
raisakuzmina2013@yandex.ru
SPIN-code: 5134-1230
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4964-3448>
Researcher: K-1522-2018

Поступила 13.01.2022

После рецензирования 17.01.2022

Принята 18.02.2022

Received 13.01.2022

Revised 17.01.2022

Accepted 18.02.2022